

ПОЭТ XIX СТОЛЕТИЯ <ТЭФФИ>

Чающие от юродивого

Как часто приходится делать то, чего не хочешь! Вот теперь нужно вернуться к книге А. Белого «Пепел», потому что моя скромная рецензия о ней в прошлом номере «Речи» навеяла на Антона Крайнего мысли обо мне и определения, которые я не считаю ни верными, ни полезными — объективно.

Статья Крайнего ошеломила меня. Живем и не видим великих ужасов, грохочущих тут рядом с нами! Это ли не последняя слепота страшного конца! «...Ушами будете слушать и не услышите, глазами будете смотреть и не увидите»¹.

И неужели не понять:

Послана с неба белая молния; пронзила нас, «стеклянных» людей, и оставила невредимыми, но потрясла гения — Андрея Белого, и возопил Белый и пророчествовал:

Над страной моей родною
Встала Смерть.

Встала Смерть с большой буквы. И больше ничего.

Мы жили все время и работали и мыслили и делали и давно, давно уже писали на бумаге (хотя это считается А. Крайним почему-то очень позорным) о нависшей смерти, об ужасе распада и гибели творческих сил родины или Родины. Начиная с 1906 года и даже раньше, в прогрессивных газетах не было буквально ни одной передовой статьи без слов «призрак смерти и разложения навис над Россией». Но это было — мертво. Этого не слышали. И вот пришел «гений» и в книге «пухлых, однообразных и сырых (определения А. Крайнего) стихов» сказал то же самое — и это откровение.

Шопенгауэр думал, что талант стреляет в цель, видимую для современников. Гений — дальше. Его цель видима только для него. Куда же летит стрела Белого?

С пройденного пути, да еще назад? Цель ее — полузабытые провидения Некрасова.

Создал песню, подобно стону,
И духовно навеки почил...?²

Какая старая молния, ударила вашего гения! Молния, рожденная обработанным мятым электричеством, — бывает отработанный пар, называемый на техническом языке «мятым». Это мятое электричество было могучим и сильным, вертело огромные фабричные колеса, гудело и творило жизнь. Теперь — оно отработало, и пустили его на мелкие поделки — оно вертит игрушки и безделушки; и оловянные солдатики — «чисто металлические» — прыгают от него как живые.

Люди всегда любили пророков и прорицателей. Не кричали ли в свое время тысячи голосов славу Окена, бездарнейшего из натурфилософов, и не повторяли ли с благоговением его прозрения: «женщина есть азот!».

И это немцы — а уж нам, русским, и Бог велел. Послушать юродивенького — от Бога поучиться. Если зря залопочет, и то хорошо. А уж если уловишь в его бормотании знакомые звуки человеческой речи — Господи, да есть ли что радостнее!

Сидит юродивенький, слюни пускает, а все в кружок вокруг него и слушают, ждут.

«В больбе облетешь ты плаво свое»³, — выпалил юродивенький. И ликование нет конца.

«Накатило! Накатило!

Это ново! Озарение! Молния ударила его! Белая молния!»

Позвольте! Да ведь это уж много, много лет говорится! Под этими словами люди кровью своей подписывались. А и ваш юродивенький их из университета принес.

«Стеклянные люди!» — кричит А. Крайний. — Еще не знают они, ни что такое «родина», ни «смерть», ни «встала».

Ни «над» — прибавлю я...

Ничего еще не знаем!

Завтра юродивенький скажет: «нужно отменить клепостное плаво».

Изложит это в «пухлых» стихах. А мы опять не пойдем и не увидим молнии, а только учуем болезненно-позднюю отрывку передовиц пятидесятих годов!

Где были вы? Отчего *вы* ничего не видели и не слышали?

Мы прожили страшные годы. Но вас тогда не было с нами. Вы в укромном уголке рифмовали колдунью с полнолунием. Теперь пришли и стилизованно наивничаете: «Сначала человек, а ведь уж после начинается поэзия, литература и т. д.».

Это тоже ново? От молнии?

Спал дед на печи, пока люди дело делали. Проснулся и занавничал под гениального ребенка. Показывает корявым пальцем на станového: «Мама! Это бяка!»

Не могу умилиться над ним. Не люблю его. «Любовностью к человечеству» не люблю его, старого слюня и кривляку.

И что за бого-истерика нависла над вами? Что за кликушество?

Стояли Вии с опущенными веками. Вдруг взглянули, ткнули пальцем — «Во!» Мимо ткнули — не беда. Не перетькивать же!

Слышали мы лозунг: «Быть Петербургу пусту»⁴.

Le grand mot est lancé! * Засыпано зерно. Заработала вся мельница. Затарахтала круподерка, запищала мукомолка, застучала вальня. Полетела мякина и прах зерновой: статьи, статейки, стихи, фельетоны. «Пусту! пусту! пусту — ру ту-ту»!

«Господи! — удивится старый журналист, перелистывая эти «пухлые» произведения. — Да ведь это моя старая передовица в радостном своем воскресении! Мне ли не узнать ее! Мою родную, старую, выношенную, выброшенную!

— Аминь! — скажет гений, прожженный молнией из статьи Максима Ковалевского.

— Аминь! — повторит кружок, чающий от юродивенького. Кажется, вы начинаете понимать нас. Своя у нас жизнь, своя смерть и своя родина. И даже туча у нас своя — *наша* туча. Все мы тут вместе. Все свои близкие. И кто-то теперь будет — Никитушка или Федосеюшка? Али, может быть, Федорушка? И то хорошо. И то радощно!

* Брошено великое слово! (фр.).